

Среда, 14 октября 1992 года

Вечерняя Москва

ПЕРВЫЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
ИМЕНИ А.П.ЧЕХОВА

КАМНИ В ДОКТОРА ШТОКМАНА

ПЯТЫЙ спектакль фестиваля — и снова классика! Хорошо это или плохо? До сих пор считалось, что повышенный интерес к классике так или иначе связан с невозможностью говорить с современниками прямо, без обиняков, не прибегая к эзопову языку. Но сегодня, когда действительно нет никакой цензуры, отчего театры снова потянулись к классике? Да потому, как мне кажется, что и они, и зрители всякий раз поражаются, до чего же ничего не меняется в этом мире!

Режиссуре не приходится прилагать дополнительные усилия, чтобы актуализировать произведения, созданные в разные эпохи. Единственное, чего действительно требуют классики, чтобы их внимательно и осмысленно читали. И тогда выяснится, что борьба за власть — не для слабонервных. Победу здесь одерживает лишь тот, кто ни перед чем не останавливается, как шиллеровский президент фон Вальтер. Что отъезд Раневской в Париж — не ее воля, но вынужденное бегство от себя в никуда. Как и исход семьи Тевье из Анатовки. А ложь, что стала способом существования для героини В. Винниченко, рано или поздно приведет к трагической развязке.

Вчера фестиваль, прослушав до того русскую, немецкую, украинскую речь, заговорил по-армянски, хотя и излагал мысли норвежского автора. «Доктор Штокман» не принадлежит к числу наиболее репертуарных пьес Генрика Ибсена. Куда чаще шли у нас «Нора», «Привидения», «Гедда Габлер», «Пер Гюнт». Правда, из истории театра известен знаменитый спектакль Станиславского, но то было в 1900 году!

Хорен Абрамян поставил свой спектакль и сыграл в нем главную роль в Театре имени Г. Сундукяна, хотя премьера состоялась не в Ереване, а в Осло, на Международном ибсеновском фестивале в 1991 году, где спектакль в целом и особенно Абрамян заслуженно имели огромный успех.

Мы привыкли находить много об-

щего в психологическом театре Ибсена и Чехова, забывая, что Ибсен, помимо «Норы», сочинил еще «Пер Гюнта» и «Бранда», не говоря уже о других пьесах. Абрамян неожиданно усмотрел в «Докторе Штокмане» возможность для создания откровенно публицистического спектакля, до предела заострив гражданский пафос автора, безжалостно срывавшего покровы благопристойности с современного ему буржуазного общества. Но вот незадача: написанная 110 лет назад, пьеса Ибсена воспринимается как самая что ни на есть злободневная. Те же проблемы, те же обстоятельства. Только теперь мы бы сказали, что в центре пьесы — вопросы экологии: ведь Штокман борется с загрязнением окружающей среды, хотя на самом деле — водные источники всего лишь фон, на котором отчетливо просматриваются проблемы нравственности, одинаково остро стоявшие и тогда, когда Ибсен писал свою пьесу, и в наши дни.

Герой и толпа, опасность истины и целесообразность лжи, переменчивость общественного мнения, ко-

торым при желании можно манипулировать, как марионеткой, правобить свободным без боязни окзаться в одиночестве — разве не наблюдали все мы за этим совсем недавно по телевидению, когда толпа народных избранников, которых на самом деле никто не избирал, освистывала и захлопывала неумелого оратора, но совесть нации Андрея Дмитриевича Сахарова? И все лишь за то, что он тщетно пытался пробиться к их разуму в надежде уберечь всех нас от надвигающегося кошмара, который он один предвидел уже тогда.

...Когда спектакль кончился и отзвучали справедливые слова благодарности театру, который трое суток в муках пытался прорваться на самолете из Еревана в Москву, Хорен Абрамян по-русски сказал: «Нет, ничего не сможет нарушить нашу давнюю дружбу и любовь. Здравствуй и спасибо, дорогая добрая старая Москва!»

Борис ПОЮРОВСКИЙ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Доктор Штокман».

